

Элитный маршрут

В троллейбусное депо срочно требовался кондуктор на маршрут номер 12. После недавней транспортной реформы работать стало совсем невозможно. Одни маршруты убрали, другие – удлинили. В итоге троллейбусы и автобусы стали ездить реже, люди в них набивались плотнее, а атмосфера внутри всегда была напряженной. Работать в таких условиях могли только самые отчаянные, беспринципные или же опустившиеся на финансовое дно, люди. И даже они уходили после первой получки.

– Идите вы к чёрту со своим двенадцатым маршрутом! – кричала Алла Григорьевна, кондуктор с пятнадцатилетним стажем. Эта женщина могла с закрытыми глазами в час пик сосчитать количество вошедших пассажиров и обилетить даже самых юрких и хитрых. Но даже ей было страшно от одной мысли о двенадцатом маршруте.

– Вы – наша последняя надежда, – умолял её начальник. – Мы вам ставку поднимем, на дес... пять процентов! – он закашлялся, предлагая „выгодные” условия.

– Засуньте эти пять процентов себе в пневмосистему! – прошипела кондуктор и, встав из-за стола, покинула кабинет, не оборачиваясь.

Она могла себе позволить подобное. Её всё равно никто не уволит – работать-то некому.

– Ну и что мне делать, Наташ? – повернулся начальник к своей секретарше, но та лишь пожала плечами.

В этот момент дверь в кабинет открылась с характерным скрипом. На пороге появилось нечто очень яркое до ряби в глазах и эффектное до боли в зубах.

– Гуд афтернун, – произнесла с совершенно сельским акцентом женщина в пёстром платье, заправленном в длинную узкую юбку.

От её локтей до пальцев тянулись чёрные, сильно растянутые атласные перчатки. На голове этой особы сидела большая, словно спутниковая тарелка, шляпа, из которой антенной торчало перо чайки. На вид женщине было глубоко за тридцать пять, но она явно чувствовала себя гораздо моложе.

Достав из сумочки пачку дешёвых сигарет, она вставила одну в длинный мундштук и подожгла.

– Вы к кому? – взяла слово секретарь, чувствуя, что начальник потерял дар речи.

– Меня зовут Сильвия, Сильвия Бобикова, – томным аристократичным голосом представилась женщина. – Я пришла к вам, так как я вам нужна!

– Вы, наверное, ошиблись, – начальник хотел было сказать „дурдом”, но вместо этого произнёс. – Салон красоты – через дорогу, нужно пройти пять...

– Это вы, mon cher, ошиблись, – перебила его Сильвия, – дважды.

Она уселась на стул и, закинув ногу на ногу, сделала затяжку. От дыма её сигареты начали отклеиваться обои в углу и увядать пластиковая монстера.

– Во-первых, вы не предложили леди чаю, а во-вторых, я не посещаю салонов. Настоящая леди способна сама нанести правильный макияж, – женщина холодно улыбнулась своими губами цвета октябрьской революции. – Я хочу позволить вам нанять меня на должность кондуктора.

– Кондуктора? – оживился вдруг начальник, который минуту назад хотел выставить странную посетительницу с наименьшими потерями для своей психики.

– Oui, – хрюкнула женщина, и перо на шляпе забавно колыхнулось.

– Что же вы сразу не сказали? – заулыбался начальник и достал свою пожелтевшую кружку с изображением мопса. – Ой, простите, у нас совсем нет чаю, – он покосился на два засохших чайных пакетика в тарелке.

– Ничего, в следующий раз подготовитесь получше, – с этими словами Сильвия достала из сумки термос, фарфоровую кружку, блюдце и целый лимон.

В воздухе запахло крепким настоем бергамота и ромашки. Лимон Сильвия разрезала пополам и бросила одну часть в кружку.

– А вы точно уверены, что сможете работать кондуктором?

– Вы намекнули на то, что я – недалёкого соображения? – бровь Сильвии вопросительно поползла вверх, поднимая шляпку.

– Нет-нет, – виновато засуетился начальник, – что вы! Я просто не понимаю, зачем вам это.

– Это хобби. Мне нужно чем-то заниматься между бриджем по субботам и кегельбаном по пятницам.

– Что ж, это прекрасно, я не против, – залепетал мужчина. – Вы приняты!

Он протянул свою потную ладонь.

– Целовать? – спросила Бобикова, глядя на волосатые пальцы.

– Ох, нет, что вы! Хотел скрепить сделку рукопожатием. Подождите, пожалуйста, в коридоре. Наташа оформит вас через минуту.

Бобикова сложила всю свою утварь назад в сумку и вальяжно пошла в сторону выхода.

– Виталий Витальевич, вы серьёзно? – набросилась ошарашенная секретарша на начальника. – Она же явно ненормальная!

– Так и прекрасно! Нормальный человек на эту работу не пойдёт! Проблема двенадцатого маршрута решена.

– Как вас по отчеству? – спросила Наташа у нового кондуктора, забивая данные в компьютер.

– Моего папеньку звали Джеймс, – гордо ответила Бобикова.

- То есть Джеймсовна?
- Евгеньевна, – кивнула в ответ Сильвия.
- Сколько вам полных лет?
- Я совершеннолетняя.
- Я заметила, – процедила сквозь зубы Наташа. – А год рождения?
- Думаю, что такой же, как у вас. Напишите, а я скажу – так или нет, – парировала Сильвия, и Наташа, кисло улыбнувшись, стёрла строку с возрастом.
- Место рождения?
- Я родом из Нового Света, – пафосно произнесла Сильвия и, глубоко вздохнув, закатила глаза, вспоминая родину.
- Ах, – завистливо всполошилась Наташа. – Америка?
- Нет. Новый Свет – это садовое товарищество в Московской области, – всё так же гордо отвечала Бобикова.
- Хм... Предыдущее место работы?
- Oui, ma chérie, вы напомнили мне о прекрасных днях. Я вращалась в высших кругах общества, имела дела с самыми важными людьми города, каждый из них был в моей власти и слушался моих указаний.
- ?
- Оператор шлагбаума в Доме правительства.
- Простите, вы закончили? – появилась в дверях голова Виталия Витальевича.
- Почти, а что?
- Хотел предложить Сильвии выйти сегодня в смену.
- Месяе начальник, научитесь терпению, – начала отчитывать мужчину Бобикова.

Он извинился, и хотел было уйти, но она его остановила:

- Скоро буду.

- Вот, познакомьтесь, Володя Песюк, извозчик, то есть водитель троллейбуса, – поправил сам себя Виталий Витальевич, представляя Сильвии маленького щуплого усатого мужичка.
- О, найс ту мит ю, Вольдемар! Сильвия Бобикова, – протянула Сильвия руку для поцелуя.
- Я – Володя, – поправил водитель кондуктора и пожал ей руку.

– Я поняла, Вольдемар, приятно познакомиться.

– Но...

– Что за „но”? Вы что, уже запрягли нашего коня? – поинтересовалась Бобикова. – Ступайте, Вольдемар, я явлюсь через минуту и, будьте так любезны, оденьтесь подобающе – мы же не скот повезём.

– Но у меня ничего больше нет, – развёл руками водитель, показав на свою выцветшую растянутую футболку.

– Вот, сегодня я вас выручу, – Сильвия достала из сумки галстук-бабочку и, сунув его в руку Володе, добавила: – Не забудьте причесаться.

Водитель был так ошарашен, что, не сказав больше ни слова, взял галстук и пошлёпал в направлении руля. Сильвии были вручены билеты, терминал для безналичной оплаты и пожелание удачи.

– Вы, главное, не переживайте, первый день всегда самый сложный, – улыбался начальник наивной улыбкой.

– О чём вы толкуете, мой милый? Нет ничего проще, чем собирать с людей деньги.

Крутя на пальце катушку с билетами, Бобикова медленно пошла в сторону старого троллейбуса, неуклюже виляя бёдрами.

Первая остановка была у рынка. Двери распахнулись, пассажиры ринулись вперёд, расселись по местам и уткнулись глазами в свои телефоны или в мутные окна.

Сильвия сразу же подошла к сутулому дядьке со злым выражением лица и в футболке с надписью „Rammstein”.

– Guten tag, – фальшиво произнесла Бобикова. – Прошу вас оплатить свою поездку, герр пассажир.

Мужчина молча достал пять тысяч одной купюрой и протянул Сильвии. Он делал так каждый день, заведомо зная, что у кондуктора не будет сдачи – этаким проездной билет, который позволял ему кататься бесплатно.

– Месье, не могли бы посмотреть у себя купюру меньшим номиналом? – продолжала Сильвия держать воспитанный тон.

– Меньше нет! – противно буркнул мужик в ответ.

– Оу, у мистера определённо огромные доходы, – восторженно заметила Бобикова. – Ещё бы, такой мужчина! Наверняка лорд или барон! – без намёка на издёвку голосила Сильвия, привлекая к себе внимание всего салона. – Чем занимается ваша светлость? Золото? Нефть? Строительство шахт? Ценные бумаги?

Кондуктор спрашивала совершенно серьёзно. Отовсюду начали слышаться смешки, и мужчина ссутулился ещё больше.

– Полагаю, такая вещь, как сдача, является для вас оскорблением? – Бобикова уже хотела убрать „пятёрку” в сумку, но мужчина выхватил её и, пошарив по карманам, быстро нашёл нужную сумму.

Сильвия хрустнула коленями, сделав что-то отдалённо напоминающее реверанс, и направилась на свой творческий променад.

– Мне душно! – вцепилась вдруг в её юбку женщина с красным бульдожьим лицом и тяжёлым пакетом в руках, полным рассады.

– Как я вас понимаю! – уселась напротив обрадовавшаяся Бобикова.

Оторопевшая пассажирка поняла, что совершила большую ошибку.

– Я здесь буквально задыхаюсь! Сплошная бездуховность вокруг! Сколько пьес поставлено в городе за последний год? Зато сколько открыто магазинов с едой! Фи! А библиотеки? Вы когда-нибудь бывали в Пинакотека Амброзиана? Это в Милане. Там, кстати, проходят лучшие показы мод.

Женщина замотала головой. Духота её больше не донимала, как и лук-севок, который она купила в недостаточном количестве. Теперь она думала только о том, как хорошо было ездить на колхозный рынок в машине зятя, где в её власти были все форточки и даже кондиционер, и никто не пугал словами „Милан” и „Амброзиана”. Зря она тогда затеяла ссору...

Бобикова уже было переключилась на Прованс, но женщине повезло. На очередной остановке двери троллейбуса распахнулись, и в салон хлынула целая толпа людей всех степеней нервозности и социальной неудовлетворённости. Люди толкались, жались друг к другу потными телами и орали, выбрасывая в атмосферу накопленную за день злобу. Эта мясная ловушка из спин, локтей и грудей обычно не оставляла кондуктору шансов выполнить свою работу, но у Сильвии Бобиковой как раз наступило время чаепития. Её термос держал температуру магмы, а Сильвия не привыкла пить из неполной тары.

Сам Моисей позавидовал бы тому, как расступалось это живое море, когда кондуктор начала ходить по салону, одной рукой собирая оплату за проезд, а другой держа кружку, наполненную до краёв горячим чаем.

Но были и те, кто совершенно игнорировал выходки троллейбусного бомонда. Один мужчина сидел, закинув ногу на ногу, откровенно наплевав на пожилых людей, стоящих рядом. Тип вёл себя максимально вызывающе: хамил, плевал и даже курил, провоцируя всеобщее негодование.

– Mon ami, – обратилась к нему Сильвия, – я вынуждена просить вас перестать вести себя так, словно вы на стадионе.

Бобикова указала на озлобленных галдящих пассажиров и обозвала их „приличным обществом”, которому такое поведение не по нраву.

– Да чхать я хотел на ваше общество! – мужчина достал из кармана какую-то ксиву и показал её всем присутствующим, после чего люди начали отводить глаза в сторону и больше не выказывали недовольства.

– Могу я тогда хотя бы попросить вас угостить даму огоньком? – спросила Бобикова и достала свой мундштук.

Мужчина ухмыльнулся и поджёг сигарету кондуктора. Сильвия сделала глубокую затяжку, а затем выпустила плотную струю дыма прямо в лицо грубияну.

– Знаете, я вас понимаю. Когда я работала с руководством города, то тоже могла позволить себе многое. Не то, что сейчас, – мечтательно произнесла Сильвия.

Каждое новое предложение Бобикова завершала затяжкой и выпускала новую порцию дыма, от которого у пассажира лицо начало стекать на пол, а рубашка расползаться по нитям.

– Знаете, а вы правы! Мы не должны идти на поводу общества! Это наше право как элиты – диктовать свои условия миру! – продолжала свой монолог Сильвия, не переставая курить.

Мужчина не отвечал, он старался как можно сильнее сжать все отверстия, через которые воздух способен попасть в организм.

Бобикова болтала без остановки. Казалось, собеседник для неё абсолютно не важен, она спокойно могла бы заговорить до смерти огнетушитель и заставить его загореться. Когда Сильвия достала новую сигарету, мужчина не выдержал. Он попытался протиснуться к выходу, но у него ничего не вышло. Телá плотно держали оборону и не давали шансов.

Пассажир в истерике искал глазами молоточек, которым нужно разбить стекло в экстренной ситуации, но тот пропал ещё во времена перестройки. Не в силах терпеть, хам открыл форточку и устремился к свежему воздуху всем своим существом.

– My friend, куда же вы?! – заволновалась Бобикова. – Мы ещё не обменялись адресами и взглядами на концептуальное искусство!

Но мужчина уже летел в жёсткие, но куда более безопасные объятия асфальта. Он пообещал себе, что если выживет, то никогда больше не возьмёт в рот сигарету.

Через пару остановок в переднюю дверь инкогнито зашла охочая до штрафов и порицания контролёрша. Женщина эта была грозой безбилетников и кондукторов. Она шла с целью публично пристыдить и наказать. Но как только двери за ней закрылись, она сразу почувствовала неладное. Из хриплых динамиков сочился легкий джаз, руль крутил прилизанный водитель в футболке и галстук-бабочке. Пассажиры, боясь быть повторно обилеченными, держали в дрожащих руках свои талончики. Контролёр молча прошла по салону, никак не выдавая себя. По взглядам присутствующих она поняла, что лучше не стоит доводить до сведения кондуктора информацию о своём присутствии, а когда увидела, как Бобикова посвящает одного школьника в последние сплетни мира немецкого балета, украдкой показала удостоверение и выскочила на ближайшей остановке.

– Ну, что скажете насчёт первого дня? – ни на что не надеясь, спросил директор, когда троллейбус вернулся в парк.

– Что вам сказать, месье шеф, я ошибалась. Плетение корзин – куда более захватывающее мероприятие.

Виталий Витальевич повесил было нос, но Сильвия продолжила:

– В следующую смену я возьму их с собой, чтобы хоть как-то развеять скуку. Люди в троллейбусе интересные, но быстро уходят – не успеваешь как следует познакомиться. Некоторые даже выскакивают на ходу.

- Так значит, завтра вас ждать на смену? – просиял начальник.
- Определённо, mon cher! Одна лишь просьба...

Виталий Витальевич наострил уши:

- Всё, что пожелаете!
- Вы не могли бы посмотреть обшивку на кресле? Произошёл конфуз. Я позволила себе единоразово прилюдно чертыхнуться из-за того, что меня всю дорогу слегка било током. Я согласна на штраф, чтобы исчерпать сей конфликт.

Начальник кивнул и, распрощавшись десятью поклонами с Сильвией, радостно пошёл проверять кресло. Он подошёл к троллейбусу, накинул „рога” на провода и, зайдя внутрь, уселся на кондукторское кресло. Его чудом не выкинуло наружу через потолок. Шарахнуло так, что волосы в носу сгорели, а на ум пришло много всяких интересных слов, тянувших на десятки конфузов и пару лет тюрьмы.

- Выпишите Бобиковой премию, – заявил начальник секретарю, вернувшись с того света.
- Премию? Она же отработала один день...
- Вы правы... Давайте выпишем в двойном размере.

Александр РАЙН.